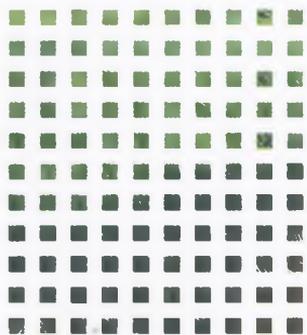

Дмитрий Клёстов

РАС ПУ ТИ ЦА

СТИХОТВОРЕНИЯ

Дмитрий Клёстов

Распутица
стихотворения

г. Санкт-Петербург 2019

УДК 82-1.
ББК 84 (Рос-Рус)
К48

Любое использование материала данной книги,
полностью или
частично, без разрешения правообладателей запрещается.

Клёстов, Д.П.

К48 «Распутица». Стихотворения. / Дмитрий Клёстов. – СПб.: «МедиаЛира», 2019. – 156 с.

Знак информационной продукции

18+

Распутица. В названии сборника заключается философия Судьбы. По жизни распутица – время, когда проселочные грунтовые дороги из-за непогоды становятся непроходимыми. И на дорогах жизни человека то и дело подстерегает распутица, когда обстоятельства начинают диктовать человеку свои правила. Чем ответит на них человек? Новый сборник Дмитрия Клёстова наполнен жизненными размышлениями, автор жестко, но лирично рассказывает о перипетиях Судьбы.

УДК 82-1.
ББК 84 (Рос-Рус)

© МедиаЛира, 2019
© Дмитрий Клёстов, 2019
© Все права защищены.

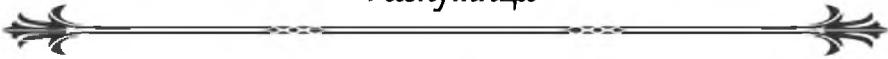
ISBN 978-2354-567-89-7

Ни родных, ни поклонниц, ни друга
Разделить нескладёху – беду...
Я пернатых с далёкого юга,
Как второго пришествия, жду.

Ни одну обустроил скворечню,
Ни одни проглядел я глаза.
Мне отратно в распутице вешней
Только их смаковать голоса.

Как увижу – ребяческим свистом
Взбаламучу бывалую прыть,
Чтобы в жизни паршивой не киснуть,
А надеяться. Верить. Любить!

Распутица

Найду счастливый гривенник,
И тотчас всё исполнится:
Я буду видеть, чувствовать,
Всё зная наперёд...
Звонарь с красивым именем
С высокой, гулкой звонницы
Рассыпчатыми звонами
К заутрене зовёт.

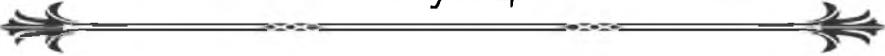
А кто-то спешно бреется,
А кто-то вяло мылится,
А кто-то водкой горькою
Уже поганит рот.
Идёт в луга альпийские
Удойная кормилица,
Она не только гривенник –
Полтинник принесёт.

А вслед за ней подпаском я
Иду тропинкой росною,
Звонарь с красивым именем
Мне аллилуйя шлёт...
Довольно тешить сказками:
Ведь это у киоска – я,
Нашёл счастливый гривенник,
И вот – поганю рот.

АРАПЧОНОК

Я держу на ладонях
Чернокожего братца,
Прижимаю к груди,
Воздымаю в лазурное
Небушко...
Бедуинка не ропщет,
Зачем волноваться:
Не сурочит его
Белобрысый, но
Ласковый дедушка.
Мироточат глаза –
Маслянистые финики,
Пахнут кудри елеем,
Резедой и сибирским
Воробышком.
И откуда у вас,
Побратимы-пустынники
Несказанное это,
Незакатное солнышко?
На ладонях больших
Мужика-волхвователя
Ни одна сатана не коснётся
Прекрасного личика.
Будь спокоен, малыш,
Ведь тебя обязательно
Будут люди любить
И талантище твой
Возвеличивать.

Распутица

Ругнусь конечно: ёлки-палки!
Оранжевый увидев материк,
Играл я с летом красным в догонялки,
И в Красном море я его настиг.

В Сибири под фуфайкой, под бушлатом
Я летовал и пасмурным и злым –
В песочнице огромной арапчата
Забавляются с летом моим.

Очерствели мне труды и заботы,
Жар души, как гнилушка, угас;
Слава богу, есть ковры-самолёты,
А в конюшне – златогривый Пегас.

Оторваться, накупаться, согреться
Хочет, хочет ледяная душа,
Оттого-то нужен берег турецкий
И Африка тоже нужна.

Дмитрий Клёстов

Прохладу гонит прочь
Надменная Сахара.
Египетская ночь –
Увы! Не опахало.

Давно кромешный зной
Всё иссушил и выжег.
В жаровне таковой
Сибиряку не выжить.

В далёком далеке
Я поклонюсь Сахаре,
Да в море-кипятке
Я косточки отпарю.

Кого бы не любил
И где бы не проказил,
Но матушка-Сибирь –
Души моей оазис.

Распутица

ЖИТЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ

Рыжий дождик над рыжим лесом,
Словно шубою, шебаршит.
Изгоняет Чичига беса
Из одной окаянной души.

Ох, как бесы вцепились круто –
Тянут в петлю – красивый плут,
Два законченных института,
Сам законченный баламут.

Дань с пульсирующего завода
Горемычному не во вред.
Гнев ограбленного народа –
Это сивой кобылы бред.

В постулатах висит библейских
Над ворами Дамоклов меч,
Да не рубит голов с еврейских,
Ни с татарских, ни с русских плеч.

На изгибе крутых скрижалей,
На влиятельном вираже
Черти к стенке его прижали,
Поселились в его душе.

Умудрённого экстрасенса –
Вот Чичигина ипостась,
Но она не прогонит беса:
У чертей роковая власть.

Дмитрий Клёстов

Ночь была равнодушно глуха
К сучьей свадьбе на лунной поляне.
Плод не нашего ль это греха
Тот щенок, что скулит на Майдане.

Или это мужицкий апломб,
Или вечная бабья проруха:
Я метнулся за длинным рублём,
Ты сдружилась с опущенной шлюхой.

Он остался на том берегу,
Ни любви, ни надежды, ни веры;
Засветился в сиротском мозгу
Соблазнительный призрак Бандеры.

Кукловод чернокожим чутьём
Распознал незаполненный вакуум,
И поставил его под ружьё,
И напялил фашистские знаки.

Как крепка родословная нить!
И обида державная гложет...
Не могу я его осудить,
Как великий отец – запорожец.

Распутица

На большом именитом концерте
На галёрке танцует чудаки.
Парни ржут, как безрогие черти,
У виски кто-то пальчиком вертит,
Он круги примитивные чертит
Современному шлягеру в такт.

Я пытаюсь к нему приглядеться,
Поэтическим взвесить умом:
То ли впал в босоногое детство,
То ли гены дурного наследства,
Или это от чистого сердца,
Или дьявол беснуется в нём?!

Пасторальная сказочка Грина,
Или гоголевский шабаш?
Или вовсе другая причина...
Так кривляться достойно и чинно
Может истинный комик без грима,
Заходя в удивительный раж.

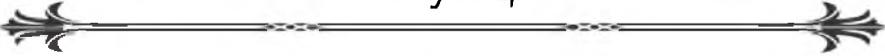
На челе червоточина шрама,
В синих крапинках впалая грудь.
Это же не семейная драма,
Не тавро спекулянтского клана,
Не с разборок бандитская рана –
Сквозь чистилище пройденный путь.

Дмитрий Клёстов

Видел я разномастных изгоев:
Бомжей, пьяниц и прочих калек,
Тунеядцев, братков и героев
С бывших фабрик и брошенных строек,
Из халуп и боярских покоев,
Оседлавших теперешний век.

Буду я положительным сводней,
Ни себе, ни знакомым в укор:
На галёрке танцует сегодня
Возвратившийся из преисподней,
Удостоенный славы господней,
Наш советский шахтёр!

Распутица

Мне стало до чёртиков весело,
И, вроде, по глупому поводу:
Сорока нашла равновесие –
Стрекочет и скачет по проводу.

Что птица убогая, сирая
С позиции жизненной?
Я сам без конца балансирую
На жёрдочке жиденькой.

А чтобы меня не обвесили
И тут же не отдубасили –
Я нахожу равновесие
В любой катавасии.

Дмитрий Клёстов

Синь – тайга моя с глазами,
В объективе каждый шаг...
Ахтунг! Ахтунг! Партизанен! –
Упреждающий аншлаг.

Вроде бы, кусок фанеры,
А хранит сибирский лес:
Исчезают браконьеры,
Как лазутчики СС.

Гибнут в топях, мочажинах
Без свидетелей причём.
То ли шорец с карабином,
То ли Йети с батогом.

Берегут мою округу,
Отчий дом и отчий кров.
Нынче чудь вела по кругу
Полицаев – холуёв.

Упокоила меж пнями,
Как безумного врага:
Синь – тайга моя с глазами,
Православная тайга.

Распутица

Я соборую себя, соборую
Потихоньку на руку скорую.

Несусветная домовина
Поджидает заблудшего сына.

Я по зову хлюста-мальчишки
Вырежу голубей на крышке.

Разукрашу вязью-резьбою,
Сам доволен самим собою.

Из-под спуда возьму рубаху,
Ту, в которой ходил на драку,

На глупейшую забастовку,
Драл её и лужёную глотку.

Где-то струсил и поберётся,
От серпа с молотком отрётся.

Домовину – свою избушку –
Запашистой заполню стружкой.

То же древо в другой ипостаси
Пусть послужит мне. Я согласен.

Дмитрий Клёстов

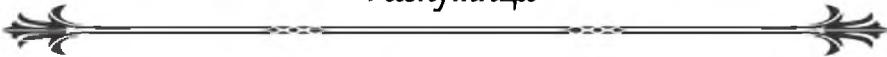
Отстегала колючими розгами
Вьюга-стужа любимые сосны
И усыпала снежными гроздьями,
Укротив свою дурость несносную.

Мы идём по волшебному кругу,
По тропинкам старинного бора,
Озаряем улыбкой друг друга,
Комплиментом, усмешкой, задором.

Незнакомки и наши знакомцы
Нам кивают небрежно и лестно:
Все мы пестованные питомцы
Непорочного русского леса.

Здесь царит несказанное братство,
Бор тому круговая порука.
Слава богу, ещё улыбаться
Мы умеем, встречая друг друга.

Распутица

Милые бранятся – только тешатся,
Сёстры во плоти и во Христе;
Вдруг на них нахлынет приступ бешенства
В этой беспросветной нищете.

Ненька – злопыхательница беглая –
Воеет истерично в кураже.
Матушка – страдальца пребедная –
Вторит ей с осадком на душе.

А братья-братишки только хмурятся:
Истощали нынче мужики.
С верою на Бога да на Муромца
Беспробудно чешут языки.

Притупляю как-то приступ бешенства,
Немощь стариковскую кляня.
Милые бранятся – только тешатся –
Только этим тещу я себя.

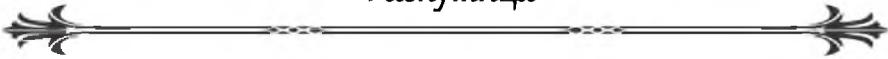
Нынче солнышко самое щедрое,
И душистая свежесть с утра...
Мы из шахты девчонку-маркшейдера
Подымаем с зарёй на-гора.

Обожжённые руки и личико
В сумасшедшем, кромешном аду.
Как теперь величать-возвеличивать
Вдруг погасшую нашу звезду?

Подземелье – ристалище гиблое,
И несчастьям не видно конца.
Ты сама эту долюшку выбрала
По стопам работяги-отца.

Нищета и разруха державная
На погибель бросают людей...
Покружись, моя муза бесправная,
Над шахтёрской сестрёнкой своей.

Распутица

Мой заветный переулочек,
Дом с окошком на тайгу.
Одомашниваю курочек,
Их пасу и стерегу.

Это клоны инкубатора
Да фабричного гнезда,
Выражения крылатого
Не слышали никогда.

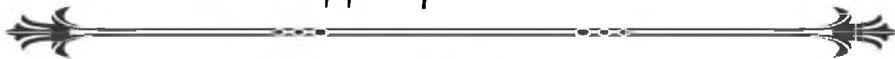
И ни семечка, ни зёрнышка
Чтоб... в навозе отыскать –
Не умели наши золушки
Ни грести, ни загребать.

Петушок, в деревне купленный,
И не пакостный совсем,
Знал в округе, как в облупленной,
Каждый уличный гарем.

Новизна обескуражила:
Столь не клёванных невест.
А потом облагораживал
Диким курочкам насест.

Бесприданницы увечные
На курином на веку
Привыкают к человеческому
И мужскому языку.

Дмитрий Клёстов

Макушка лета. Около полудня.
В истоме душной замирает пруд.
Проказник-гром и молния-шалунья
Над водоёмом разыгрались вдруг.

На головы, на плечи многолюдья –
С холодным ветром ливень-озорник.
Сумятица. Веселье. Визг и Крик.
Макушка лета. Около полудня.

Распутица

Високосный. Перебор
Неудачам и напастям.
В кудри буйные вихор
Заплетёт юнец на счастье.

Разудалый, бравый вид,
Пышет сила и здоровье.
Он впервые разглядит
И глаза свои и брови.

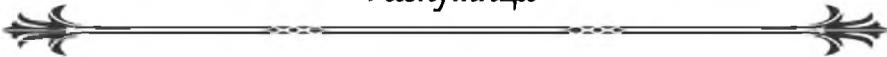
Этот прыщик – ни к чему.
Эта родинка – уместна...
Только Богу одному
Вся судьба его известна.

Уготован приговор:
Век мальчишеский недолог.
Високосный. Перебор.
Испытание. Онколог.

Я с Вами был лишь издали знаком:
Ни словом, ни поклоном, ни кивком
Я Вас не поприветствовал ни разу:
С красавицами был я несуразен,
С талантливыми более нелеп,
А с умными труслив, и глух, и слеп.

Какая-то дремучая отсталость
Мне от таёжных пращуров досталась:
Чтобы к шикарным женщинам Руси
Приблизиться... Да Боже упаси!
Не лучше ль зубы возложить на полку,
Молиться Вам и гаснуть втихомолку.

Распутица

Ещё деньком воистину пригожим
Порадуюсь я солнцу и теплу
Ниспосланному, чтобы подытожить
Приварок к пенсионному столу.

Теперь не буду просто выживать я,
А буду жить, достоинство храня:
Откликнулась великой благодатью
Земля моя – кормилица моя.

Всего делишек: я рассыпал зёрна,
Да возлелеял слабые ростки,
Оберегал ревниво и упорно
Болезные верхки и корешки.

И вот они – огурчики-вельможи,
Картофелины будто боровки,
И радуют воистину пригожие,
Последние осенние деньки.

Дмитрий Клёстов

*«Я – многогранник»
Александр Брюховецкий*

Я – колмогоровский мужик,
Я – многогранен, многолик,
И гениален, и велик.
Я – живописец, скоморох,
Поэт, писатель – видит бог –
Как на паршивой суке блох
Талантов всяческих на мне,
Но... приумноженных вдвойне.

Распутица

*«Как хорошо гулять среди поэтов»
Галина Золотаина*

Как хорошо гулять среди девчат:
Они галдят, щебечут, верещат;
Чем дальше в лес, тем глубже интерес,
И ты – поэт, а вовсе не балбес
Среди девчонок – русских поэтесс.
...С одной из них заблудишься до завтра
И убедишься – это Клеопатра.

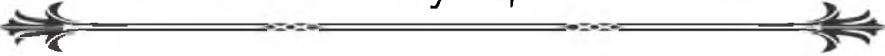
Дмитрий Клёстов

*«Вчера с Гомером пил коньяк»
Дмитрий Филиппенко*

Чудак с Гомером выпивал
И табачок покуривал.
Троянский конь его лягал
И кобылиц огуливал.

Гомер поддатенький вопит,
Целуя в лоб Димулю:
Ты – настоящий, ты – пиит,
А в зубы тычет дулю.

Распутица

Дедок настроил зуммер старый
На обновлённую волну
Навстречу оде запоздалой,
На запоздалую весну.

Паниковал он делом грешным,
Отнимовал – хватило сил,
Ещё добротную скворечню
Друзьям пернатым смастерил.

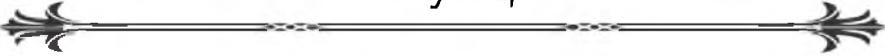
И на мажорной светлой ноте
Лопатит непотребный снег.
Хотели смерти – не дождётесь –
Хитрит хороший человек.

Два коршуна кружат
То разное, то синхронно,
Клекочут в унисон
На смелом вираже.
И кто из них слабей
И кто из них верховный
В обычном, боевом,
Бандитском кураже?

Притихли петухи,
Попрятались вороны,
Дрожит под лопушком
Испуганная мышь.
Чтоб избежать беду,
В ружейные патроны
На кремневый жакан
Я загоняю пыж.

На всякий случай, так,
Я на пальбу не падох,
И помыслы мои
Пречисты и тихи,
А коршуны меж тем
Бросаются на падаль...
Ликует воронья.
Ликуют петухи.

Распутица

Только прилягут снега,
В лёгкой, дремотной неге
Веки смежит тайга,
Наши землячки – леди –
В сверхзвуковой телеге
Ринутся на юга.

Горю, тоске и боли
Русью впряжённый Боинг
Враз наложил табу.
Бабы в небесном поле
Прячут стыдливо боязнь,
Вверив ему и Богу
Собственную судьбу.

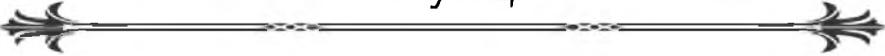
Верные наши жёны,
Скупю блюдя законы
Дружественной страны,
В туники и хитоны
Будут облачены.
Но не позволят «Рашей»
Пачкать Отчизну свою, –
Врежут по морде вражьей –
Не узнаёт мусью.

«Туманный» – райский уголок,
Грибной, берёзовый распадок,
И близкий сердцу табунок
В лугах пасущихся лошадок.

Душа поёт и молодится,
И не нарадуется глаз,
Когда на резвой кобылице
К закату ринется хакас.

Дороже станут эти горы,
Лишь гены перевороша,
Во мне аукнет кровь монгола
И русской женщины душа.

Распутица

Сижу, как все мудрейшие сидят, –
Восточная проверенная поза:
В далёкий космос устремляю глаз
И вижу... кончик собственного носа.

Царапину и восходящий прыщ,
И красноту – такая незадача, –
И я сейчас, наверное, заплачу:
– Жена, ты что, как мумия, стоишь!?

Дмитрий Клёстов

Всё сбылось: на закате лет
Море – моря и море – солнца...
Соблазнял индианку дед
С рожей хитрого пошехонца.

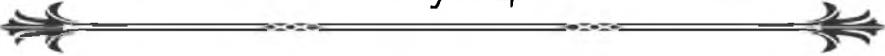
Взбаламучивая песок,
Волны пенятся спозаранку,
У его у лохматых ног
Мило скорчилась индианка.

Никакой он не самодур,
Но втемяшилось на досуге,
Чтобы сделали педикюр
Темнокожие эти руки.

Пальцы скрюченные его
На сибирском шальном морозе
Холит милое существо,
Как богатому мафиози.

Возвратится к себе домой,
Будет хвастать своим знакомым...
По кочкарникам, по буреломам
Он поскачет, как молодой.

Распутица

Малахитовый луг-лужок,
Верба старенькая невестится.
Опираясь на батожок,
Мне навстречу идёт ровесница.

Эх! Свиданьице... Ах, да ох,
Машет мне тальниковой веточкой.
На тропинке чертополох
Шелестит прошлогодней ветошью.

Постоим мы глаза в глаза,
К горлу ком ледяной подкатится...
Как в соборе на образа
Век смотреть бы, да век бы каяться.

Дмитрий Клёстов

Давным-давно всё это было:
Цветастым раструбом штаны,
Фуражка-блин и образ милой,
Склонённой над рекой сосны.

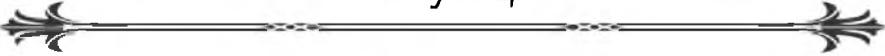
Всё сам с усам. Ума – палата.
В кармане нету ни шиша,
И откровенная душа
Ни перед кем не виновата.

Хочу – с Полинкой разведусь:
Лягушка обернулась скрягой,
И по Руси пойду бродягой –
Меня облюбовала Русь.

Вчера понравилась портниха,
Мне тесть названный бил челом,
Перед которым челноком
Вертеться надо очень тихо.

Она, пожалуй, подождёт:
Я не хочу банальных трений...
Но вот судьба меня прижмёт:
Артистка втянет в оборот
И враз поставит на колени.

Распутица

Желанный снег куделькою льняной
Укрыл моё червлёное крылечко...
Каурка вещая! Предстань передо мной,
Бряцающая шелковистою уздечкой.

И в новый день гарцуй, Каурка, мчи,
Через леса и реки и курганы.
Родную землю топчут басурманы,
И Муромец вздымается с печи.

Давно пора укоротить разбой –
Нашествие заморских педерастов.
А соловьёв кремлёвских бечевою
Перевязать и в прорубь всех и... Баста!

Дмитрий Клёстов

Он был воистину любим,
Что никому не делал плохо,
И с бедолагой неплохим
Уходит целая эпоха.

Мир ничего не потерял,
Земля ничуть не оскудела.
Вписалось в лёгонький пенал
Его натруженное тело.

Жена его – сама печаль –
Скупые слёзы вытирает,
И одинокая медаль
Труд адский олицетворяет.

А жизнь, как три рубля, проста,
Три – золотых! – считал умерший,
В морщинах волевого рта
Светилась гордая усмешка.

Распутица

Белый кораблик мчал
Курсом земного рая,
На палубе интернационал –
Публика озорная.

Польская трескотня,
Клёкот араба...
Штиль за кормой дробя,
Волны играют рябо.

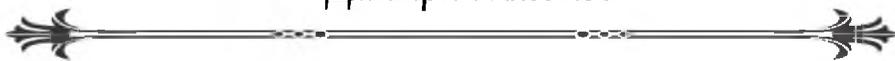
Из потаённых шахт
Дядька согбенный этот...
Выпить бы на брудершафт,
Выкурить сигарету.

Да пригласить в семью:
Нашей закваски, нашей,
Только Россию мою
Он называет Рашей.

Желчные словеса
Сыплет жестокой грудой,
Не за глаза – тычет в глаза
Матерным словом «иуда».

Мой златокожий брат,
Чем тебе не потрафил?
Не защитил Ирак,
Гнусно предал Каддафи?

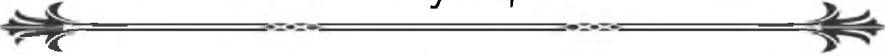
Дмитрий Клёстов

Вот и опять в огне
Солнечный твой Египет...
Но каково проглотить мне
Правильный твой эпитет?!

Распутица

Птичья трапеза! Стрёкот бахвалистый
Лишь растаял рассыпчатый снег,
Возле логова Витьки Бухалова
Из умёта возник человек.

Приютил околоток заброшенный
В ледяные густые кусты,
А при нём три серебряных грошика
Обнаружили наши менты.

Обыскали, раздели и бросили
Полицаи – суди их господь –
И лежала в неряшливой поросли
Беспризорная русская плоть.

Ни попа, ни жены богомолочки,
Чтобы грешную душу отпеть...
Только лишь стрекотала до полночи
Птичья трапеза. Может быть – смерть.

Дмитрий Клёстов

Любвеобильный пригорок,
Блаженный дурман чабреца...
Чужой расторопный придурок
Милей своего стервеца.

Забудется верная жёнка,
И – в омут, была ни была...
Чужая-то стерва – прожжёнка,
Но как она сердцу мила.

Распутица

Я божью коровку держал на ладони,
И посылал на осеннее небо,
И ожидал в суеверном поклоне
С божьего небушка божьего хлеба.

Я не дождался куска дармового,
Но удостоен я крепкого тела:
В руках моих спорится всякое дело,
И сопричастен я божьему слову.

Что-то неясное нынче в природе:
Племя беспутное, время сурово.
Все-то усеяли тропы-дороги
Хрусткие трупики божьих коровок.

Их ли я в детстве держал на ладони
С трепетом чутким на светлой аллее...
Божьи коровки не пахнут елеем,
Даже смердят они терпким зловонием.
Их я топчу и жалею. Жалею.

Нет-нет да приходят мысли
Безнадёжные о смерти,
Ангелов на коромысле
Перетягивают черти.

Нет-нет да взиграет удаль
Молодецкая в груди.
Буду жить и снова буду
Огородик городить.

Распутица

Араб и немец и калмык
Из одного, однако, теста.
Повсюду властвует язык
Наитья, мимики и жеста.

Непримечательный отель
В огромном городе отыщет,
Откроет дружелюбно дверь
В домашний свет и в темнотищу.

Почтенно почести воздаст
Бродяге и ханже и ханше,
И познакомит сей же час
С восточной дивой – музыкантшей.

Пойдут красивые и легки,
Импровизируя. Играя,
Четыре побегут руки,
Как бы по клавишам рояля.

Арабка тёмная Азит
И сибирячка бледнолика.
Ах! Как их быстро породнит
Своим наречием музыка.

Пусть не брешет Олька ясноглазая
Будто на колени я ослаб,
Потому не приласкал ни разу я
Ни одну из деревенских баб.

Уложу оструганные брёвнышки
В запашистый, самодельный сруб,
Лишь потом, перебирая рёбрышки,
Дотянусь до похотливых губ.

И уже брехать не станет Оленька,
А сама признается: слаба,
Да к тому ж совсем некстати колетса
В этом срубе терпкая щепа.

Распутица

В ГРОЗУ

Грозу ничто не предвещало:
Холодный, мелкий, нудный дождь
Накрыл тяжёлым покрывалом
И птичий гомон, и галдёж.

Мне хмурый день казался пыткой,
Но место я облюбовал,
И под разлапистою пихтой
Свою одежду выжимал.

Гром грянул глухо, беспричинно
За буераком, вдалеке,
Как будто выстрелила шина
На перегруженном ЗИЛке.

Потом с ума как будто спятил
Поднаторевший дровосек
И необъятную в объёме
Он сухостоину рассек.

Запахло жареным и дымом,
Я неожиданно вспотел,
Мой чуб взъерошивался дыбом,
Затылок одеревенел.

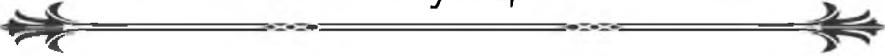
А был неробкого десятка,
Познавший всякого сполна.
Душа вдруг оказалась в пятках,
Как будто заячья она.

Дмитрий Клёстов

И гром и молния прицельно
Тайгу пронзали и меня,
И я метался в эпицентре
Стихии водной и огня.

Я падал ниц, сражённый лютой
Гремучей молнии стрелой...
И времена великой смуты
Сгущались вроде надо мной.

Распутица

КЛУБНИКА

Пригорки, холмы, увалы
Клубника облюбовала,
Сдурела, завоевала
Намоленные места.
Даром бери, кто хочет:
Мышка её не точит,
Скотина её не топчет –
Нет в деревнях скота.

Деликатес – клубника –
Заполонила, гляди-ко,
Наш притаёжный край.
Благо, сегодня ведро,
Горстями гребни и ведра
Целыми наполняй.

Не запретит объездчик,
Старый пастух овечий
Не скажет: тут не бери!
Но тяжело поэту –
Канули в горькую Лету
Звонкие косари –
Колхозные богатыри.

НОЧНАЯ СМЕНА

В ночную смену горняки идут,
В клетки мерцают лампочки и шутки,
А месяц сыплет чистый изумруд
Красивым пихтам на собольи шубки.

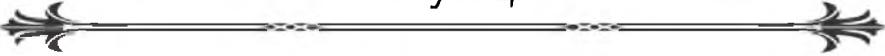
Невиданная буря унялась,
В тайге опять холодное затишье;
Зубрят волчата азбуку зайчишек,
И дремлет лось, на шорохи косясь.

Бояре кедры шапки заломили,
Гордась собой и силищей гордась,
На дно золотое клетки опустились,
А там другая сказка началась.

Я вижу в ней былинного Евстрата –
Проходчика с могучей хваткой рук...
Рычит победным рыком перфоратор,
Вгрызаясь в горло драгоценных руд.

Под сводами подземного ансамбля
Потомок Пересвета и Осляби
Советскую героику вершит,
Ещё при жизни будет знаменит,
А нынче и оплёван и забыт.

Распутица

Входит женщина в море
В балахоне Востока,
В восхитительном взоре
Бесенята восторга.

Беспокойная боязнь
С потаённой надеждой,
Всё, что создано богом –
Всё под чёрной одеждой.

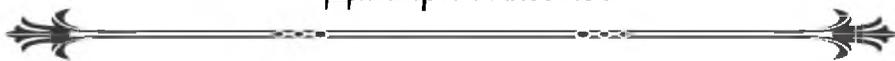
Глубже, глубже ступени,
Дальше, дальше от мола,
Вот уже и колени
Расцелованы морем.

Вот и девственный пояс
Обласкан бесстыже.
Я в песочек заруюсь –
Ничего не увижу.

Как ревниво на страже
Беспокоится отчим,
Как померкли на пляже
Лепестки и шнурочки.

Как прихлынувший гребень
Разобьётся о груди.
Очаровано время,
Очарованы люди.

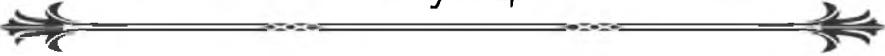
Дмитрий Клёстов

И потупили взоры
Жинки, фрейлины, леди –
Входит женщина в море.
Входит чёрная лебедь.

Распутица

Второе июня. Снег,
Природа с ума сошла,
Это кошунственный смех
Над тружеником села.

В небо вздеть кулак.
Взглядом послать укор.
Вместо грядущих благ
Снова голодомор.

Дмитрий Клёстов

Он по иронии судьбы,
Как кур в ошип, попал в проруху:
Просил у боженьки любви,
А чёрт ему подкинул шлюху.

Распутица

Ни к чему столбовая кручина
Посетила убогую келью:
Я мирские заботы отринул,
Я чужую беду не приемлю.

Ни роптать, ни молиться не буду
На жестокие козни Майдана,
Коли там почитают Иуду,
Коли там оплевали Богдана.

Тяжело принимать и постигнуть
Навалившиеся напасти,
Как дерут саблезубые тигры
Украину на мелкие части.

И, смежив равнодушные вежды,
На печи почивает Илюша,
И одна остаётся надежда
На бессмертную русскую душу.

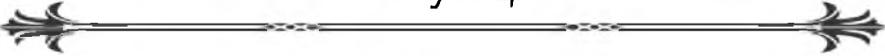
Где растрчены чувства приличия,
Где мораль не является подвигом:
Грациозная алкоголичка,
Спотыкаясь, восходит на подиум.

Может девка тряхнуть телесами,
Эксклюзивное выкинуть па,
Всю её пожирает глазами
Взбаламученная толпа.

Уж давно её песенка спета,
Копшатся и ссорятся в ней
Знаменитая школа балета
И её горячительный змей.

По инерции баба порхает,
Пьяной удалю пряча года,
А силёнок уже не хватает,
Чтоб со сцены уйти навсегда.

Распутица

Будто бы ударились в бега
Бывшая империя Союза...
Женщина слетала на юга,
А теперь показывает пузо.

Это – море, солнце и песок,
И массаж поджарого араба,
Это вам не мальчик с ноготок.
Это – настоящее. Эх, бабы!

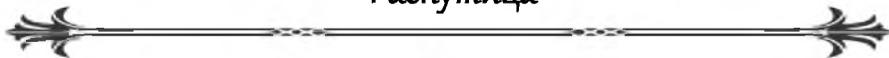
Дмитрий Клёстов

Старичок-паучок да ивовые прутья,
И какой-то привычный домашний предмет.
Остановится взгляд и потянутся руки
Ощутить работёнку на запах и цвет.

И знакомое что-то до язвенной боли
Озарит мою память... Далёкой весной
Я плетень горожу. Тальниковые колья
Дружно выкинут ветки и забрызжут листвой.

Нет в помине давно деревенской избёнки –
Дом кирпичный, железо, бетонный забор...
Старичок-паучок! Как прекрасна твоя работёнка!
Как высок и банален в деревенском лукошке узор!

Распутица

Я сегодня поверил
В содружестве тихом
В одомашненный берег
На озере диком.

День бежал переменным,
То холодным, то жарким.
Был я радостным пленным
Забубённой дикарки.

На куличках у чёрта,
Вёрст нехоженных тыщи.
И такие девчонки,
И с такой красотищей.

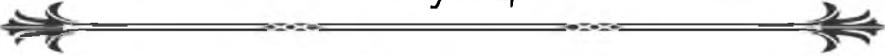
Дмитрий Клёстов

Ни асфальт, ни бетонка,
А приземистый стланик,
И родная сторонка –
Бурелом и кочкарник.

Комары – кровососы,
И клещи – кровопийцы,
И цветы – медоносы,
И горластые птицы.

Кровь мою процедили
Притаёжные фильтры.
Выхожу из идиллий
Я толковый и хитрый.

Распутица

Настрекочет сорока
Уйму всяких вестей:
Из мирского далёка
Жди хороших гостей.

Из амбарных сусеков
Открывай логушок,
Отдающий орехом
Знаменитый медок.

Будет бабушка внуков
Целовать-миловать...
Эх! Сорока – гадюка!
Хватит, старая, врать.

Дмитрий Клёстов

О грани скал разбились всемятку
Убористые облака,
И по туманному распадку
Стекает пенная река.

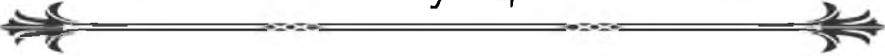
Стреноженные проводами,
Уходят ввысь опоры ЛЭП.
И пасмурными вечерами
Психоз абсурден и нелеп.

Мне непонятно слово отдых –
Настолько вкалывать привык.
А просто пить таёжный воздух,
Подставив дождю язык...

Жевать какой-то корень сладкий,
Живительный смакуя сок,
Чтоб по душе, как по распадку,
Промчался грозовой поток.

Бездельем кажется всё это...
И подступают вечера –
Опять – психоз, опять – хандра,
Опять – упущенное лето.

Распутица

Закрутили заботы общие
Под метелицу февраля.
Я работаю на подёнщине
У заслуженного враля.

Буду битым я и ограбленным –
Это имидж любого жулья.
Наступаю опять на грабельки,
Чтоб ударили по лбу меня.

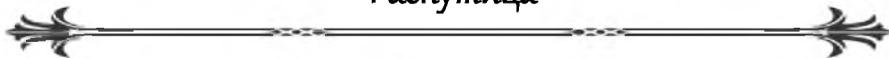
Хорошо на земле незрячему
Да блаженному немтырю.
Разрешаю себя одурачивать.
Одурачат – благодарю.

Дмитрий Клёстов

Крутит сырая вьюга
Снежную пелену.
Старенькую фрамугу
Настежь я распахну.

Ринется свежий ветер,
Чахлую грудь знобя, –
Весенняя добродетель
Стылого ноября.

Распутица

На дне посуды хмельной
Я был жрецом и фараоном...
Сегодня тешу цитрамоном
Я приступ боли головной.

Дмитрий Клёстов

В этом нет ничего плохого,
Коль родился с мужицким хватом,
Обругаешь едрёным словом
Гастарбайтера – русским матом.

Ведь не врежешь ему лопатой
По хребту, а хотелось очень,
Подвизался – работать надо,
Надо вкалывать, как рабочий.

А в Сибири лишь только осень,
Он замёрзнет зимой, наверно.
И не я наглеца отбросил
Из цивиличного в век пещерный.

Дал Аллах уродиться слабым,
Обездоленным и калекой:
На калым за родную бабу
Надо вкалывать дольше века.

Инородец, худое племя!
Я ругаюсь не ради смеха.
Я не евнуха для гарема –
Холю-пестую человека!

Распутица

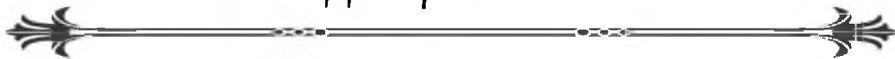
В православной моей империи
Мчался красным тельцом по артерии,
По величественной магистрали
Из кузнецкой державной стали.

Калзагай. Акчурла. Усяты.
Фазаны. Добровольцы. Солдаты.
Мчался с первыми, ехал с верными
И с подонками, и со стервами.

С безотцовщиной и бездомными
Побратались мы в Кузне с домнами.
За насущный хлеб, за спасибо
Возводили мартены Запсиба.

По следам православной империи,
По изрытой и выжженной прерии,
По большой барахолке Китая
Еду нынче... То песня другая.

Дмитрий Клёстов

Бывает так, что сразу не поймёшь,
Не каждый вдруг свою раскроет душу:
Посмотришь – и глаза не отведёшь,
Заговорит – и сразу вянут уши.

Распутица

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ДУХОВОЙ

Баламутя и радуя
Околочек весь,
Сарафанное радио
Растрезвонило весть:

Из далёкого города –
Из таинственных мест
По осеннему холоду
Прибывает оркестр.

Примостится на чурочках
Боевой – духовой...
Вся деревня, как дурочка,
На траве луговой.

Удалая, румяная
В заколдованный круг
Сумасшедшая, пьяная
Лихо ринется вдруг.

Всем девчонкам полюбятся
И труба и кларнет...
Улетят – улетучатся
Тучи гибельных лет.

Дмитрий Клёстов

* * *

Сашка! Сашка, не уходи!
В вечном покое
Сердце остынет в твоей груди,
Сердце большое.

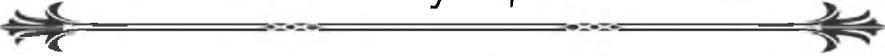
Руки забудут послушный штурвал –
Мастеровые.
Ты ведь и жизни ещё не видал –
Это впервые.

Сколько несут неподдельной любви
Други-шофёры,
Все благодарные слёзы свои
Выплакал город.

Будут сирены жалобно выть
Вдоль тротуаров.
Людам ты душу смог подарить –
Это отдарок.¹

¹ **Отдарок** (разг.) – то, что дарят в ответ на полученный подарок.

Распутица

На поляне – кустики,
Ковьли, репейники,
Имуранки – суслики –
Пузанки затейники.

То стоят, как пестики,
То свистят, как школьники,
Знать, играют в крестики,
В крестики и нолики.

Господа! Мы теперь – господа!
Щепелявит задрипанный тип...
Воздымайся кувалда-балда,
Чтобы пот «господина» прошиб,

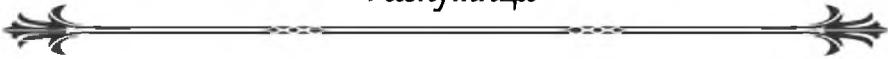
И ударь, заготовку круша,
Именная подруга, поверь:
Ты отныне моя госпожа.
Кто не с нами, тот – быдло и чернь.

Вот он входит, задрипанный тип,
Ус холёной рукой теребя,
Оплеуху мне в ухо вlepит,
На затылок поставит тебя.

И заржёт в его своре жандарм:
Это, быдло, тебе поделом!
На колени, не вишь – господа!
Бить челом! Бить челом!

Что отвечу ему – подлецу...
Может, прав он, и мне – поделом.
Но к лицу ль молодцу-кузнецу
Вдруг воскресшему мертвецу
Бить челом.

Распутица

КАРАМБОЛЬ²

Меркантильный расчёт и удача.
Хладнокровие, жажда и боль...
Сотоварища норов горячий
Остуди, карамболь.

Остуди искромётным ударом,
Быть мне идиолом нынче позволь.
Благородным, загадочным шаром
Воссияй, карамболь.

Воссияй над интригами холла,
Сыпь на язву противника соль.
От насмешек и произвола
Упаси, карамболь.

² **Карамболь** — разновидность бильярда, а также определение удара, при котором биток (шар, по которому нанесён удар) совершает последовательное соударение с двумя прицельными шарами.

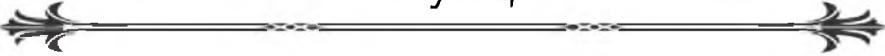
Дмитрий Клёстов

Снова день погожий
В нашей полосе,
А листы, скукожась,
Облетели все.

Изморось да иней
В аккуратный срок
Ягоде-калине
Посластили сок.

Закрома успели
Подытожить труд,
Вот и свистели
Тут как тут.

Распутица

Брызнут веером из-под косы
Мириады прожорливых мошек,
От меня защищали, быть может,
Бриллианты студёной росы.

Я букетом цветущей травы
Освежу запотевшее лезвие –
Отзовётся знакомо и лестно мне
Чистым звоном сердечной струны.

Перемены в родном уголке
Я увижу, услышу, отмечу,
И на мизерном дачном лужке
Раззужу стариковские плечи.

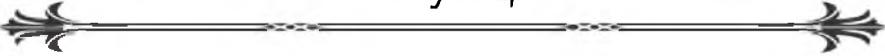
Дмитрий Клёстов

Ворот, как веретено,
Стравливает трос.
Я колодезное дно –
В нашу Землю врос.

Взбаламученная муть
Глины и песка,
И пульсирует чуть-чуть
Сердце родника.

Чтобы как-то оживить
Звонкую струю,
Я лопатой, так и быть,
Прошунтирую.

Распутица

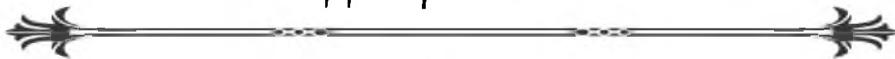
Виктор Палыч, освяти водицу
Терпкого таёжного ручья...
Росная хмельная медуница
Упоила в стельку муравья.

А в соцветье дикого кипрея
Что-то суетливая пчела
Спрятала, забыла, улетела,
Возвратилась – снова подняла.

Трясогузка лёгким опахалом
Своего трясучего хвоста
Аромат медовый волновала
Вербного цветущего куста.

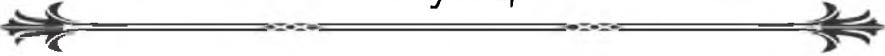
Виктор Палыч, нам ли не годится
Опыт птицы, пчёлки, муравья...
Костерок затейливый дымится.
Ты скорее освяти водицу
Терпкого таёжного ручья.

Дмитрий Клёстов

Трезвонила синица:
Нам всем пора поститься,
А за окном клевала
Она кусочек сала.

Распутица

Палатки, прожжённые гнусом,
Храбятся у стылой реки.
Янтарное древо согнулось
На чистой витрине тайги.

Как будто оно к распродаже
Готовит карминную гроздь...
Мне ягодой горькой однажды
Силёнку сберечь удалось.

Бродяжий, голодный желудок
Заполнил живительный сок,
Сладчайшими были минуты,
Когда я насытиться смог.

Палатки, прожжённые гнусом,
Харчи королевские есть,
А я поддаюсь искусу –
Рябиновых ягод поесть.

Бабуля Солоха прозрела;
Своё заварганила дело.

Открылось четвёртое око –
Теперь она видит далёко.

Мужик на фазенде, в чулане,
А будто на телеэкране.

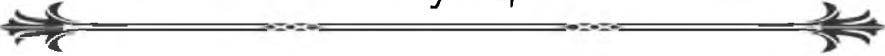
Соседа замучила печень,
И лечит Солоха. Залечит.

Отбросила бабка вязанье
И занялась рисованьем.

К безграмотной тёте – соседке
Она записалась в поэтки.

Купила бумаги и кисти –
Кропает куриные мысли.

Распутица

В РЕАНИМАЦИИ

Из-под скальпеля – под нож,
Семь наркозов на неделе...
Неужели бережёшь
Золотишко в брэнном теле?

Эскулапы ворошат
Ливер пролетариата –
Мог зарыть в себе талант,
Скрыть геном аристократа.

Всё выкладывай, давай
В подземельях нажитое,
А не то утащишь в рай,
Коли выпадет такое.

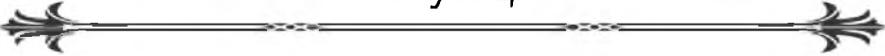
Место славное займёшь
С толстосумами на троне...
Из-под скальпеля – под нож,
И ничто не светит кроме.

Пили запойные – за упокой,
Кончилось пойло – сидели, набычась,
Ведая, что прозорливой косой
Предрешена уже каждого участь.

Месяцем раньше, позднее ли чуть
Всё же приблизится тихо и немо
Наша святая, сакральная немощь:
И не утешить, не облегчить.

В час поминальный богема про нас
Петь дифирамбы начнёт в кулуарах,
И добродушный, талантливый бас
Девок сивушным взбодрит перегаром.

Распутица

ЗАБАСТОВКА

То-то было потехи,
Хватит жизни по гроб...
Бастовали калеки
Из совковых трущоб.

Бастовали огрызки
За хлебный кусок.
Там кровавые брызги
От ментовских сапог,

Груда рваных картузов,
Позабытый протез,
Переполненный кузов
Полутрупами – в лес.

То-то было потехи...

Дмитрий Клёстов

Обрастает новобранцами
Преподобных бомжей рать,
Чтоб с брезентовыми ранцами
По Руси маршировать.

Пожилыми и нестарыми
На своей родной земле
Ковыряться санитарами
В человеческом гнилье.

Племя блёклое, распутное...
Скоро, скоро эта рать
Встанет под знамёна Путина,
Олигархов защищать.

Распутица

Здоровье – на грядке,
И сила – на грядке,
И мысли – в порядке,
И нервы – в порядке.
Поклоны я истово,
Искренне бью
Траве-мураве,
А в траве – муравью.

Дмитрий Клёстов

«Я ничего не знаю о любви»

С. Уланова.

Я ничего не знаю о любви
Ни Дон Жуана, ни Наполеона.
Знать, никогда и не было в крови
Какого-то ничтожного гормона.

Галинка-золотинка, подсоби:
Греша над сексуальною тетрадью,
Себя в стихах ты величаешь б...ю,
Наверняка, всё зная о любви.

А я не знаю, господи, прости,
Избавь от одиночества и грусти...
Своих детей я нахожу в капусте,
А надо бы в любви приобрести.

Распутица

На дворе кружит метель – свистопляска.
В чистой горнице – вечерняя сказка.
Угасающий камин – возгорится,
Тело спелое моё разморится.

А за телом и душа раздобрееет...
Поскорее б ты пришла, поскорее,
Чтоб украсилась изба женской лаской,
Чтоб утихла за окном свистопляска.

Дмитрий Клёстов

Слава богу: любитя, поётся,
Дышится и кушается всласть,
И в запруде – маленьком болотце –
Очень крупный водится карась.

Хорошо среди кромешной ряски
Чистую прогалину сыскать,
Где привольно плещется карасик,
Безмятежно баламутя гладь.

Клюнет вдруг какой-нибудь повеса
Или незадачливый игрок,
От восторга встрепенётся леса
И нырнёт за счастьем поплавок.

Распутица

ПУЛЯ – ДУРА

Пуля – дура, не всегда
Пуля умницей бывает,
Если цели достигает
В чистой ауре моста.

Богом избранный свинец
Вложен в нужные патроны,
Меч Дамоклов наконец
Пал на голову Горгоны.

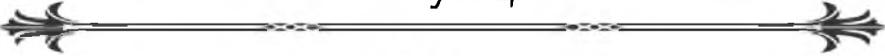
И отрублено пока
Лишь единственное жало
Из змеиного клубка,
Что России угрожало.

Назидательный пример
Лицемерам, фарисеям:
Бросил за борт Гулливер
Очень прыткого пигмея.

Дмитрий Клёстов

В крестовом доме обитает шиш,
И ни шиша на дедовском подворье,
И ты, дружок, который год скулишь,
Что нет давно ни силы, ни здоровья.
Твой светлый дар не нужен сатане,
Ни богу, ни кремлёвским истуканам,
Ведь в нашей умирающей стране
Поэтов развелось, как тараканов.
А я, дружище, утолил тоску,
Всеядное своё заполнил чрево:
Лишь руки потянулись к топорку,
А мой топорик потянулся к древу.

Распутица

В голове – белиберда,
В быте – беспорядок.
Перекинулись лета
На восьмой десяток.

Всё, как мальчик, шестерю,
Лёгок и беспечен –
И на девочек смотрю,
И стригу овечек.

Дмитрий Клёстов

Среди аллеи, среди лип
Качели наши – скрип, да скрип.
Надменных губ твоих изгиб,
А с губ твоих счастливый всхлип,
А я, наверное, погиб.

Распутица

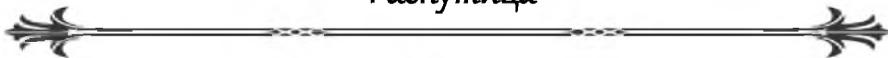
Аплетихинский лог.
Дорога – крутизна.
Внизу родник –
Явление святое...
Вдруг чья-то
Раскошелилась мошна
На дело доброе,
Благое.
Кто сырых
В обездоленном краю
Призрел своей
Мохнатой лапой,
И глотку мне
Законопатил кляпом,
За это я его
Боготворю,
Что даже склонен
К стильным дифирамбам:
Мне легче дышится
И думается власть...
Там воскресает пляж.
Там возрастает дамба.
Какая-то надежда
Родилась.

Дмитрий Клёстов

Хоть что-то
В умирающей округе
Пульсирует и зиждется
Светло.
Крутые парни
Потирают руки:
Засланцам с гор
С работой повезло.

Распутица

Всё реже, реже блики молний –
Гроза уходит восвояси,
А свиньи принимают грязи –
Всё чинно и бесцеремонно.

Дмитрий Клёстов

Где былём-будыльём
Поросли земляничные грядки,
Дом отцовский поник
И сарай обветшал,
Иногда навестит и...
Бежит без оглядки
Расторопная очень,
Растакая-сякая душа.
И не гонит никто
Из родного гнездовья,
И никто не зовёт
Возвратиться в отеческий кров.
Говорят, что душа
Обливается кровью —
Только это какая-то
Жидкая кровь.
На роду ли написано,
Как овечьим какашкам,
Век болтаться в стоячей
И мутной воде.
Убегает душа —
Убегай, старикашка,
Ты не нужен нигде...

Распутица

Где-то рядом хвороба канючила,
Словно лакомый кус стерегла.
Вот пришла и под белые рученьки,
Как родную сестрёнку, взяла.

Роковая беда предсказуема:
Колотила нещадно судьба,
А теперь добивает тебя –
То ли глупую, то ли разумную.

Меркнут как-то заботы и хлопоты,
Да и некому их передать...
Всё, как есть, принимаешь без ропота,
Как любая страдальица-мать.

В ЗАВАЛЕ

Затрещит над головою,
Загрохочет впереди...
Припаду к груди забоя,
Словно к маминой груди.
Припаду к земле родимой,
Перемочь, передохнуть...
Ухнет глыба, ухнет мимо,
Мне нацеленная в грудь.

Распутица

На природе – на лоне,
На клубничных соцветьях,
Мрак сырой и холодный
И крадётся, как сплетня.

Сенокосное поле,
Сногшибательный запах,
Упадёшь поневоле,
Да очутишься в лапах.

В лапах силы медвежьей,
Добродушной и лютой:
И какой-то небрежной,
И какой-то уютной.

Дмитрий Клёстов

Брызги, кляксы, лоскутья, мазки
И кровавые сгустки рябины
Окропили опушки тайги,
И распадки они окропили.

Всё бесценной проплачено кровью,
Дождевыми потоками слёз,
Чтобы как-нибудь скрасить зимовье
Птицам-странникам в лютый мороз.

Распутица

Оттепель – обманка. А как хороша!
На припёке пенёк даже выплакал снежницу.
Разомлела душа, засветилась душа
На пенёчке погреться, понежиться.

Завтра грянет мороз и пурга-кутерьма,
И пенёк на ветру, словно заяц, скукожится,
Но погожему дню был я рад без ума:
Всё-то слюбится, сбудется, сможется.

В КОТЛОВАНЕ

Тучи сгущаются над котлованом –
Тучи небесные с тучами смога.
Будка. Шлагбаум да чайник с наганом,
Да кинокамеры зоркое око.

А в котловане работают зомби,
Или никчемные, жалкие люди.
Тучи сгущаются над горизонтом:
Буря не грянет, а дождичек – будет.

Зомби боятся тележного скрипа,
Но сатанеют при выстреле танка.
Их не избавит из чёрного склепа
Ими возвращённый и преданный Данко.

Распутица

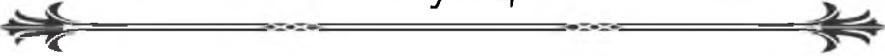
Сквозь мелкий дождь восходит потаённо
И, вроде, нежеланная заря.
На шабаш утренний летят, летят вороны,
Картаво меж собою говоря.

В ораве той, гурьбе иль шайки пёстрой
Четы смазливо-белой не сыскать,
Но все они родные братья, сёстры –
Стащить и слопать, снова своровать.

Стервятник их, трапезничая, ждёт –
Над падалью вовсю идёт делёжка...
Надеюсь я – хоть кто-нибудь пальнёт.
Я потерплю. Я подожду немножко.

Это не Сирия и не Пальмира –
Это руины вокруг Салаира.
Фабрики, рудники, шахты, разрезы
Выжег Мамай раскалённым железом.
Школы пустеют, закрыты больницы,
В домиках русских чернеют глазницы.
На огородах дуреет бурьян –
По фигу Ваньке. Ванечка пьян.
Он не противится силе нечистой:
К водке палёной икорки зернистой
Он не желает, и не берёт.
Выпьет и рот кулачищем утрёт.
Снова нальёт, и, очами сверкая,
Вдруг заревёт: Аллилуйя! – Мамаю.

Распутица

Призадумаясь: а на фиг мне
Этот страждущий народ –
В божьем храме, как анафема,
Дух стяжательства живёт.

Режут слух разборки лютые,
И – ворьё, ворьё, ворьё...
На моей полянке – лютики,
И гнездо зорянка вьёт.

В небе жаворонок – жив ещё,
Вот и я терплю, терплю.
Проклинаю долю вшивую,
Призадумаясь: люблю.

Сад-огород, заброшенный когда-то:
Желанья не было, и времени, и сил,
Меня такой малиной одарил,
Что кажется – на всю деревню хватит.

Растерянный, я долго не беру:
Внутри какой-то муторный осадок –
Сама малина тянется к ведру
С моих, любовно выхоженных, грядок.

Я знаю, что настанет добрый час,
Уйдёт худое, воровское время,
И прорастёт, сторицею воздаст
В родную землю брошенное семя.

Распутица

На руках моих высохла кожа,
Как на мумии, что в Эрмитаже,
Желтизной золотистой похожа,
Вековыми морщинами даже.

Вот природа меня одарила,
Будто вырос на берегу Нила.
Из таинственных склепов Луксора
Кто-то вытащил тело шахтёра.
По каким непонятым законам –
Эта связь – кержака с фараоном.

ГОД ПЕТУХА

Деревья стали чище и опрятней,
Покрытые рассыпчатым снежком.
И скоро наш неряшливый курятник
Украсится забавным петушком.

Быть может, кочет наведёт порядки,
И куры плодовитей и щедрей
Умножат рост и темпы яйцекладки,
И с яйцами дешевле и крупней.

А может, этот щёголь краснопёрый,
Не ведавший пинков и оплеух,
Курятник втянет в новую аферу:
Петух в России – больше, чем петух.

Распутица

Памяти жертв в «Зимней вишне»³

Какой я древний и какой наглец:
Надеюсь на заслуженное чудо,
Будто из тыщи любящих сердец
Душе мятежной спаяна кольчуга.

В житье-бытье под тяжестью греха
Душа в тенётах бьётся, как пичужка.
У горла нож – кольчуга коротка,
В трясину тянет – тяжела кольчужка.

³ Пожар в торгово-развлекательном комплексе «Зимняя вишня» в городе Кемерово произошёл 25—26 марта 2018 года. В результате пожара погибло 60 человек, из них 37 детей

Дмитрий Клёстов

*«В окружении двух женщин сплю я, паки Соломон»
Андрей Пятак*

В окружении двух женщин:
Фурии да лесбиянки

Братом нежным, братом меньшим
Очутился я по пьянке.

Лесбиянка мироточит,
Язычок о зубы точит,

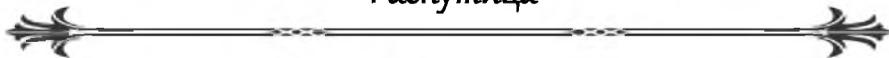
Влезть во что-то норовит
Будто я гермафродит.

Я придвинулся к брюнетке,
Злючке фурии – аскетке,

Но она меня пинком –
Я с кровати – кувырком.

Нету силушки терпеть –
Обе пьяные на треть.

Распутица

Воробей и голубь вредный
Хлебной коркой у киоска
Целый час играли в регби
Опрометчиво и жёстко.
Вкусный мячик отчего-то
Каждый гнал в свои ворота.

Дмитрий Клёстов

Теплым-тепло...
Мне хочется раздеться,
Придвинуться к опятам
На пенёк –
Дыханием
Ядрёного младенца
Легчайший ветер
Кружит лепесток.
Какое сногшибательное
Средство
От всех болезней:
В милом уголке
Осенним днём
На солнышке погреться
Без горя, без заботы,
Налегке.

Распутица

Над протокой реки,
На замшелом утёсе, –
Гляну из-под руки:
Сыро. Пасмурно. Осень.

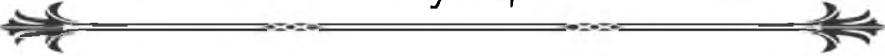
И бодрит, и гнетёт
Ледяная прохлада,
Моросит небосвод,
Тучи, вот они – рядом.

Растворяются в их
Благотворном тумане
Кроны сосен и пихт,
И пеньки на поляне.

И не видно ни зги,
И не будет просвета:
Схоронились в тайге –
Вёдро. Солнышко. Лето.

Ни полова с морковных грядок,
Ни картофельная ботва...
Дым Отечества чужд и гадок –
Кругом кружится голова.
Стисну зубы и мимо, мимо:
Ничего не поделать тут –
Величайших моих кумиров
На громадном кострище жгут.
Обыватель глядит с усмешкой,
Будто на прошлогодний снег,
Церемонно играет флешкой –
Атрибутом библиотек.
Никаких тебе угрызений,
Безо всяких обиняков,
Говорит мне: вот здесь Есенин,
Заболоцкий и Смеляков.
Здесь мыслители и чинуши,
И архаика, и попса.
Истребят и людские души
Виртуальные слова.

Распутица

ПОЛНОЛУНИЕ

Топотит задор,
Лень корячится.
Внук устал, продрог,
Дед дурачится.

То пихнёт в сугроб,
Завалился чтоб
И умылся снежком рассыпчатым.
В небе лунный диск,
Полный, как редис,
Улыбается светом расплывчатым.

Внук – пинка в ответ
За невежество,
И в сугробе дед
Растележится.

Глянет лунный шар:
Дед, однако, стар:
Копошится в сугробе, как мумия,
Ярче лунный свет.
«Ты смотри-ка, дед,
Над землёй царит полоумие».

Дмитрий Клёстов

«До смертинки две пердинки»

Валентин Распутин

Не профукать нажитого...
Сон бредовый станет явью.
У меня во рту обнова –
Я уже не шепелявлю.

А ведь было: два клыка
Обкусали все бока
Языка.

Я от голеней до пупа
(Вторит ветхая особа) –
На гвоздях и на шурупах,
И хромированных скобах.

Было: ноженьки мои
И любили, и блюли
Кобели.

Так на поздней вечеринке,
С бабами посерединке,
Толковали две блондинки –
Две пердинки до смертинки.

Распутица

Взяли под белы рученьки –
Выживший из ума –
Долюшка неминучая.
Вроде, капец, – тюрьма!

Бабы ревут дремучие,
Вопли со всех сторон.
Взяли под белы рученьки,
И возвели... на трон!

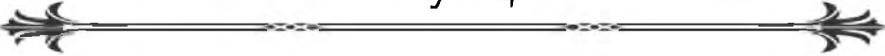
НЕ ЗЛИСЬ

Не злись на брата – алкаша,
Его мятежная душа
Забвенья ищет, хочет воли.
Его стезя оборвалась;
Другие ценности и власть –
Он лишь серийный алкоголик.
А, может быть, таков удел,
Что он остался не у дел,
И не пытал судьбу иную,
Сменить на шкуру воровскую
Своих воззрений не посмел.

Не злись на сына. Делай вид,
Что он совсем не инвалид,
Не дармоед, не прожигатель,
Не шарабан, а голова,
Стели чистейшие слова,
Как накрахмаленную скатерть.
Он не придурок – видит бог,
Пред ним не тысячи дорог –
Одна единственная стёжка
И заторможенная жизнь.
Не злись, пожалуйста, не злись –
Пускай развеется немножко.

Не злись на мужа. Он шахтёр,
Бывает часто перебор,
Но это лучше недобора.

Распутица

Увидеть истину в вине, –
Чтобы мурашки по спине,
С бутылочкой наедине
Побыть без бабьего надзора.

Ему, пожалуйста, позволь
Утихомирить эту боль:
На свете нет страшнее боли,
Чем память о его друзьях –
Зомбированных в пух и в прах –
Сгоревших в угольном забое.

Провидица! Ты подскажи,
Как выжить в этом мире лжи,
Найти отдушину души,
Когда опутала интрига.
Глаза, пожалуйста, открой:
Где Бог? Где Царь? И где Герой?
Кто скинет воровское иго?!

Дмитрий Клёстов

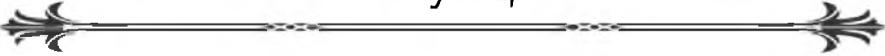
Нет ни зрения, ни слуха,
Чтоб сыграть на клавесине:
Всё затмила грядка лука
И бескормица в России.

Потому что на эстраде
Среди гама, шума, воя
Надо помнить о рассаде,
О мешочке перегноя.

Помнить надо о земле,
Думать о насущном хлебе.
Всё-таки в руках синица
Лучше, чем журавлик в небе.

А рабочая монета
Тоже требует таланта:
Обогреет и поэта,
Зодчего и музыканта.

Распутица

Смешны расхристанные рясы
Чумазых байкеров – попов.
Куда несутся лоботрясы
На крупах бешеных козлов?

Священный крест, как погремушка,
За богатырскою спиной...
Свернёт с дороги побирушка,
Качнёт презренно головой.

Косматый бомж – отпетый нехристь –
Кортежу этому не сват,
Щепотью пьяный лоб окрестит,
Пошлёт вдогонку русский мат.

Я констатирую событие,
Не веря собственным очам.
Кому послать мне челобитную
За этот стыд, за этот срам?!

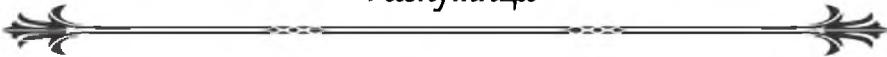
Дмитрий Клёстов

За семью печатями,
За семью замками –
Счастье непечатое
С томными очами.

Вроде не был влюбчивым:
Тормозили беды,
А за этой юбочкой
Бегал бы и бегал.

И считал за праздники
Мировые встречи...
Мысли несуразные:
Радоваться неча.

Распутица

Капсюль не сдетонировал,
Не разбудил картечи.
Ангел проигнорировал
Дурь человечесью.

Тулка перезаряжена,
Дуло у подбородка.
Эх! Голова, ты – вражина!
Пуля твоя находка!

Рядом ржавеют кустики,
Стынет поодаль речка.
Лучшего для экзекуции
Не отыскать местечка.

Ворон в чащобе каркает,
Чуя свою добычу:
Свору мерзавцев завтракать
Кличет стервятник, кличет.

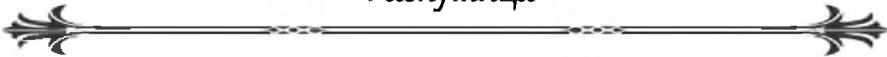
Завтра паяцы грязные
Весть разнесут: свихнулся.
Скажут подруги: сглазили,
Недруги скажут: гуси!

Прожил – ни богу свечка,
Чёрту ни кочерга.
Ноженькой до курка –
Сызнова, блин, – осечка!

Признанное чистилище
Перед вратами ада.
Каты его простили бы,
А самому – не надо.

Времени столь потрачено,
А не сварганил каши...
Ворон! Готовься к трапезе –
Есть ещё в патронташе.

Распутица

Мой дядя Мойша съел собаку –
Во всём прогрессия видна.
В дебатах кошка-забияка
Ему в подмётки не годна.

Он – пустобрёх. А ветер носит,
Лошадка вязнет, но везёт
Через сугробы, вплавь и вброд,
Через кочкарники болот,
И где Макар траву не косит.
Телят бодливых не пасёт.

Он не слепец, а очень зрячий:
Хоть видит всё наоборот,
Переоценит, переверёт...
Опять комедия собачья
Премьерой будет целый год.

МАШИНИСТ ПАРОВОЗА

Бабе Фае – старушке
Годиков эдак... эн.
Мощи её «кукушки»⁴
Переварил мартен.

Пар многотонной бочки
Выгеснил тепловоз.
Сын престарелой дочки
Воинов перерос,

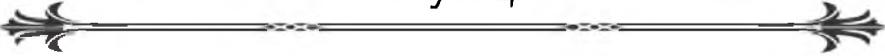
Тех, кто в смертельной схватке
Горло ломал врагу,
Юную девку Файку,
Взявшую кочергу.

Жерло печи, лопата,
Тендер и уголёк.
Файка родилась хватом,
Девушка – огонёк.

В копоти, в смраде, в гуле,
В пепле, в смоле, в золе:
Тяготы не согнули
Женщину на земле.

⁴ «Кукушка» – послевоенный маневровый паровоз.

Распутица

Свет излучает робкий
Бабушка много лет,
От паровозной топки –
Тот несказанный свет.

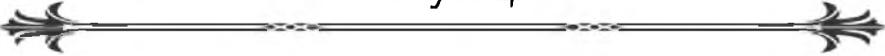
Дмитрий Клёстов

Прибыл день на волосок,
На мгновение, на йоту.
Мне же йота эта – впрок:
Как ленивому пинок,
Я ударился в работу.

Устремилась, понеслась
Мысль над скотными дворами,
И с подземными мирами
Есть космическая связь.

Богатейшее добро
Отдаёт за бога ради
Причашённое к тетради
Благодатное перо.

Распутица

Новогодняя пороша,
Чистый, совестливый снег.
Я своих друзей хороших
Уважаю лучше всех!

И не только уважаю,
А по-божески люблю,
С Новым годом! – поздравляю
И вот этот стих дарю.

Дмитрий Клёстов

Я пёс беспородный по имени Джек –
Бродячая, злая собака.
Меня не пригрел ни один человек,
Зато шантажировал всякий.

Я не приبلудился к чужому двору –
Промашек не делаю сдуру,
В сугробе имею свою конуру –
В ней грею роскошную шкуру.

Метель, осиянная светом луны,
Ласкает мохнатую холку.
Я как-то беспечен к забавам шпаны –
Попробуй приблизиться к волку.

Я приторной ласки совсем не терплю,
А матов наслушался вволю.
Как шавка безродная, я не скулю,
А часто и истово вою.

Я чую: далёкие звёзды – родня,
А месяц – рогатый калека,
И воеет по-русски, и стонет, как я,
И кличет отечески – Джеком.

Распутица

Зима колобродить устанет,
Метели иссякнут вконец.
Меня в полудрёме-нирване
Разбудит залётный скворец.

Он мой сотоварищ извечный,
Не предал родного гнезда,
Машу с голубого крылечка
И радуюсь, как никогда.

Горючие слёзы осушит
Весенний сияющий день.
...Невинные детские души
Вернулись в отцовскую сень.

АВВА

Итожа выдумки свои
В застенках старого сарая,
Присел на краешек скамьи,
Прощально утварь озирая.

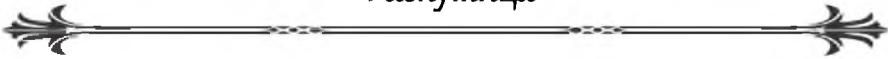
Я к деревеньке не привык
И уношу скорее ноги...
Опять юродивый старик
Возникнет молча на пороге.

Как невидимка-пилигрим,
Порхает невесомо тело...
Я буду цацкаться, а с ним
Ужо вожжаться надоело.

Но в эту утреннюю рань
Привечу нищего калеку
И скупю искреннюю дань
Воздам седому человеку:

Что не разгадан до конца,
Неуловимо то мгновенье,
Когда морщинками лица
Лукавит божье откровенье.

Распутица

В КУЛАЕВКЕ

Михаилу Сажину

Утрами в распутице вешней,
В околице тихой сельца
Тревожит худую скворечню
Заморская ода скворца.

Не смолкнет пернатая память.
И, новые песни верша,
Всё так же кружит над полями,
Как русская наша душа.

Ютится в берёзовой кроне,
Юркнёт в нежилую повесть,
Берёзам посвищет, а кроме
Задумчивых некому петь.

Присядет на кровле скворечни –
Когда-то родного гнезда,
И канет в распутице вешней
Невесть и незнамо куда.

В ТАЁЖНОЙ ИЗБЕ

Игра не стоит свеч:
Дороги замело.
Чтоб осчастливить печь,
Ей распалю нутро.

Брависсимо, топчан!
Свернувшись калачом,
Я грезить по ночам
Не буду ни о чём.

Ни пороха, ни пуль:
Я праведник в тайге.
Лишь несколько «буль-буль»
В дорожном рюкзаке.

Да чистая тетрадь,
Да вечное перо,
Да, чтоб стихи писать,
Я распалю нутро.

Распутица

Алексею Грицаю

Закружила метель оглашенная...
На ступеньках родного крыльца
Он прощался. Улыбка блаженная
Целый день не сходила с лица.

Закружила сибирского молодца,
Будто бы на торжественный бал,
Дух мятежный мятежного Моцарта
Одарённых мальчишек сзывал.

Дальней далью душа очарована,
И на сердце легко и светло.
Там в ладони Жар-птица Бетховена
Обронит ненароком перо.

Распахнут и друзья-сотоварищи
Дару божьему божий талант,
Растерзает безумные клавиши
Разухабистый русский баян.

И таинственный лик Богоматери
Снизойдёт на великий собор.
В озарённой Европе на паперти
Это будет последний аккорд.

Душно. Ведрено. Тихо.
Воздух – мятный елей.
Милovidные пихты,
Неказистый кипрей.
Птичий щебет и грай...
Свежий глиняный холмик
Обновил и заполнил
Наш неряшливый край.

Обрамлённая дёрном,
Стела тянется ввысь,
Там, где дух непокорный,
Там, где вечная жизнь.
Каменею в поклоне:
Оборвалась стезя...
Упокоился Лёня.
Вот и сказочка вся.

Распутица

Лето вкальвует и празднует,
С жиру бесится и мытарится.
Собираю клубнику красную,
И надеюсь, что всем достанется.

Вот присяду на рыжем холмике,
Отдохну от жары и усталости,
Побесился я, вот и полноте,
Вновь по свету пойду мытариться.

А поля и луга и пастбища
Снова станут тайгой дремучею.
Мне пора отдыхать на кладбище,
И чего я себя так мучаю.

Снова с угла гнилого
Заходит черным-черна.
Дождика проливного,
Ягодного, грибного
Не принесёт она,
А разразится штормом,
Градом полудюймовым.
Для запада это норма,
Норма угла гнилого.
Для землешца – пытки,
Уйма погибнет корма,
Будет считать убытки,
Тяжко, а тоже – норма.

МУРАВЕЙ И СТРЕКОЗА

Мне у крохотного залива
И приятно и сиротливо:
Завораживает вода,
Там дрейфует лист в никуда.
На листке муравей паникует,
А бесстыжая стрекоза
Над бедой муравья ликует
И смеётся ему в глаза:
– Помнишь, как зима катила,
Я пристанища просила.
Ты сказал: исчезни с глаз!
Вот и ты, голубчик милый,
Попляши сейчас.

Только я стрекозу опечалю:
Муравья хворостинкой причалю.

Пинаю критический возраст,
С тропы проторённой гоню.
Лугами насыщенный воздух
В моём ежедневном меню.

Иду молодецки настырный,
Доволен собой и судьбой.
Меня исцеляют пустырник,
Володушка и зверобой.

Кодируют вещие травы,
Лишь малую дозу прими –
От алкогольной отравы,
От наркотических СМИ.

Дурные привычки забуду:
Быльём порастает быльё.
Поляна живых незабудок –
Исконное счастье моё.

Распутица

Берёза не приемлет пустырей,
Забывтых пастбищ, брошенных покосов;
Их засекает порослью своей
И сорняком несметных дикоросов.

Как будто мстит за весь лесоповал,
За девственность, за лешего и зверя.
Тайгу зазря мой пращур корчевал,
В счастливое грядущее поверив.

На хлебной ниве зреет борщевик,
Заполонил всю пашню без изъяна...
На родине воскреснет ли мужик –
Великий Зодчий,

Праведник,

Хозяин?!

Дмитрий Клёстов

Ты везешь молодого сына
На побывку в родимый дом.
Несусветная домовина
В отделении грузовом.
Жизнь ребячью тепло и свято
Чуткой памятью вороша...
И глядится в иллюминатор
Озорная его душа.
Он побудет совсем немного,
Ничегошеньки не прося,
И кладбищенская дорога
Разразится цветами вся.

Распутица

Не вам ли бабы на потеху,
Не вам ли на смех, мужики!
Вовсю горланят: Ку-ка-ре-ку!
Молоденькие петушки.

Когда скучал я сильно-сильно
По милым улочкам села;
Ты позвонила и мобильник
К руладам звонким поднесла.

Петух старался, надрывался
И хлопал щегольским крылом,
Чтоб я скорее возвращался
В родимый край, в заветный дом.

Шунтирую аорту родника
В утробе позабытого колодца:
Обязывает статус горняка,
Крестьянина, отца, первопроходца.

Какой фашиствующий сброд
Сегодня властвует над нами!?
Вон – из села ушёл водопровод,
Сработанный советскими рабами.

А жители, как манны, ждут дождя,
И воду пьют из тухлого болотца,
И лампочка великого вождя
Здесь никогда уж боле не зажжётся.

Воздам, имея статус мужика,
Как должное, родимой колыбели:
Очищу я аорту родника,
И водружу, как знамя, журавеля.

Распутица

ЛЕПОТА

Мой ровесник и родственник дальний...
Бельма в зенках, ввалившийся рот,
В утлой хижине – опочивальне
Доживает отпущенный срок.

Нет зубов – он пошамкает тюрю;
Квас домашний и хлебушко есть.
И никто старика не одурит –
Он властями задуренный весь.

Нет претензий, обиды, досады
На вселенское горе и зло.
Значит, это кому-нибудь надо,
Чтобы умерло наше село.

Скот общинный свели в живодёрню,
Вон из сердца и по боку с глаз.
Мост порушен, и родова с корнем
Вырывается нагло из нас.

Это что за торнадо по весям,
По исконно российским местам...
Лепота! – разгулявшимся бесам.
Лепота! – закордонным друзьям.
В утлой хижине Ванька ютится,
Есть какая-то тюря – еда...
Но зато настоящие птицы
И поют, и свистят: Лепота!

Не будет покоя
Моим башмакам –
Зовёт ретивое,
Товарищи, – к вам!
Рабочие веси,
Ударная жизнь –
Там добрые песни
Не перевелись.
Хорошие дяди –
Серьёзный народ,
Никто не обгадит
И не лохонёт.
Там сладкие бабы
Остры на язык.
Я тоже не слабый,
Я тоже – мужик.
Поймаю удачу,
Возьму под узцы,
Чуть-чуть подурачусь
И... в воду концы.

Распутица

Я огня попросил
У святого апостола:
Дай мне, старче,
Чтоб выжечь паршивую дурь.
Он своим кулачищем
Ударил разгневанно по столу,
И последнюю свечку
В моей келье задул.
Я воды попросил,
Изнывая от жажды и голода,
И безумно ропща
На ничтожное наше житьё.
Он ручищами сжал
Мою буйную, бедную голову,
В ледяную купель
Окунул, как болванку, её.
Я терпенья молил
У святого апостола,
Весь в работу ушёл
Забубенной своей головой,
Появились харчи
Не богатые, но и не постные,
И какой-то надеждой
Домик полнится мой.

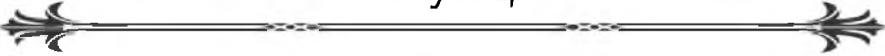
Я расстался с «ладушкой»,
Сделанной в России,
С ней житуха радужней,
И жилось красивой.

Без неё я так себе –
Ни лица, ни рожи.
Это не велосипед,
И не «запорожец».

Не всегда покладиста,
С бесшабашным норовом,
Большаком ухабистым
Мы носились здорово.

Мерседесам – равная,
И всегда безропотно,
Как лошадка справная,
На меня работала.

Распутица

Умный вымесил в ступице глиняной
Неказистое тело моё,
Мудрый в мозг мой добавил извилину,
А потом изничтожил её.
Там, где надо подумать, – не думаю...
Будто я в чужеродной стране,
Где плюют в мою душу угрюмую
Тоже клоны – подобные мне.

Дмитрий Клёстов

Долго брела по свету
Юношеская мечта.
Сердце шептало – Эта!
Разум твердил – Не та.

Вновь безнадёжный поиск,
Вновь отрезвляющий шок,
И понимаешь – поезд,
Твой поезд давно ушёл.

Только опять по свету
Мечет душа мечту.
Сердце находит – Эту!
Разум находит – Ту!

Содержание

«Ни родных, ни поклонниц, ни друга».....	3
«Найду счастливый гривенник».....	4
Арапчонок	5
«Ругнусь конечно: ёлки-палки!»	6
«Прохладу гонит прочь»	7
Житейская история	8
«Ночь была равнодушно глуха».....	9
«На большом именитом концерте».....	10
«Мне стало до чёртиков весело».....	12
«Синь – тайга моя с глазами»	13
«Я соборую себя, соборую».....	14
«Отстегала колючими розгами».....	15
«Милые бранятся – только тешатся».....	16
«Нынче солнышко самое щедрое».....	17
«Мой заветный переулочек»	18
«Макушка лета. Около полудня»	19
«Високосный. Перебор».....	20
«Я с Вами был лишь издали знаком»	21
«Ещё деньком воистину пригожим».....	22
«Я – колмогоровский мужик»	23
«Как хорошо гулять среди девчат»	24
«Чудак с Гомером выпивал»	25
«Дедок настроил зуммер старый».....	26
«Два коршуна кружат»	27
«Только прилягут снега»	28
«Туманный» – райский уголок»	29
«Сижу, как все мудрейшие сидят».....	30
«Всё сбылось: на закате лет».....	31

«Малахитовый луг-лужок»	32
«Давным-давно всё это было»	33
«Желанный снег куделькою льняной»	34
«Он был воистину любим»	35
«Белый кораблик мчал»	36
«Птичья трапеза! Стрёкот бахвалистый»	38
«Любвеобильный приговор»	39
«Я божью коровку держал на ладони»	40
«Нет-нет да приходят мысли»	41
«Араб и немец и калмык»	42
«Пусть не брешет Оляка ясноглазая»	43
В грозу	44
Клубника.....	46
Ночная смена.....	47
«Входит женщина в море».....	48
«Второе июня. Снег».....	50
«Он по иронии судьбы»	51
«Ни к чему столбовая кручина»	52
«Где растрчены чувства приличия»	53
«Будто бы ударилась в бега»	54
«Старичок-паучок да ивовые прутья»	55
«Я сегодня поверил»	56
«Ни асфальт, ни бетонка»	57
«Настрекочет сорока»	58
«О грани скал разбились всмятку»	59
«Закрутили заботы общие».....	60
«Крутит сырая выюга».....	61
«На дне посудыны хмельной»	62
«В этом нет ничего плохого»	63
«В православной моей империи»	64

Распутица

«Бывает так, что сразу не поймёшь»	65
Послевоенный духовой»	66
«Сашка! Сашка, не уходи!»	67
«На поляне – кустики»	68
«Господа! Мы теперь – господа!»	69
Карамболь	70
«Снова день погожий»	71
«Брызнут веером из-под косы»	72
«Ворот, как веретено»	73
«Виктор Палыч, освяти водицу»	74
«Трезвонила синица»	75
«Палатки, прожжённые гнусом»	76
«Бабуля Солоха прозрела»	77
В реанимации	78
«Пили запойные – за упокой»	79
Забастовка	80
«Обрастает новобранцами»	81
«Здоровье – на грядке»	82
«Я ничего не знаю о любви»	83
«На дворе кружит метель – свистопляска»	84
«Слава богу: любитесь, поётся»	85
Пуля – дура	86
«В крестовом доме обитает шиш»	87
«В голове – белиберда»	88
«Среди аллеи, среди лип»	89
«Аплетихинский лог»	90
«Всё реже, реже блики молний»	92
«Где былём-будыльём»	93
«Где-то рядом хвороба канючила»	94
В завале	95

«На природе – на лоне».....	96
«Брызги, кляксы, лоскутья, мазки».....	97
«Оттепель – обманка. А как хороша!»	98
В котловане	99
«Сквозь мелкий дождь восходит потаённо»	100
«Это не Сирия и не Пальмира»	101
«Призадумаясь: а на фиг мне»	102
«Сад-огород, заброшенный когда-то»	103
«На руках моих высохла кожа».....	104
Год петуха	105
«Какой я древний и какой наглец»	106
«В окружении двух женщин».....	107
«Воробей и голубь вредный»	108
«Теплым-тепло...».....	109
«Ни полова с морковных грядок»	111
Полнолуние	112
«Не профукать нажитого...»	113
«Взяли под белы ручки».....	114
Не злись	115
«Нет ни зрения, ни слуха»	117
«Смешны расхристанные рясы»	118
«За семью печатями».....	119
«Капсьюль не сдетонировал».....	120
Машинист паровоза.....	123
«Прибыл день на волосок»	125
«Новогодняя пороша»	126
«Я пёс беспородный по имени Джек»	127
Авва.....	129
В кулаевке.....	130
В таёжной избе.....	131

Распутица

«Закружила метель оглашенная»	132
«Душно. Ведренно. Тихо»	133
«Лето вкалывает и празднует»	134
«Снова с угла гнилого»	135
Муравей и стрекоза»	136
«Пинаю критический возраст»	137
«Берёза не приемлет пустырей»	138
«Ты везешь молодого сына»	139
«Не вам ли бабы на потеху»	140
«Шунтирую аорту родника»	141
Лепота	142
«Не будет покоя»	143
«Я огня попросил»	144
«Я расстался с «ладушкой»	145
«Умный вымесил в ступице глиняной»	146
«Долго брела по свету»	147

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Литературно-художественное издание

Дмитрий Петрович Клёстов

Распутица

стихотворения

Главный редактор: Глеб Стафеев
Художественный редактор: Анна Саянова
Литературный редактор: Татьяна Копытова
Верстка: Александра Гончарова
Дизайн обложки: Дмитрий Лукин

Отпечатано в ООО «Нордмедиздат»
г. Санкт-Петербург, пр. Стачек, 45, корп.3.
Юр. адрес: Редакция «Литературный МИКС»,
г. Санкт-Петербург, Лиговский проспект, 56, оф. 100.
Свидетельство о регистрации
СМИ ПИ №ФС77-35381 от 17 февраля 2009
Возрастное ограничение печатной продукции 16+
Подписано в печать 07.09.2019 г.
Формат 140*200 мм. Гарнитура «Times New Roman». Тираж 300 экз.